

Астрид Линдгрен

Нет в лесу никаких разбойников

Annotation

Рассказ из сборника «Нет в лесу никаких разбойников». Издательство: журнал «Семья и школа». Перевод со шведского И. Новицкой. Иллюстрации Ингрид Ван-Нюмен.

Во всех книгах Линдгрэн — особенная атмосфера: фантазии, игры, душевная свобода и справедливость, — атмосфера, особенно желанная для детских умов и сердец.

Эта удивительная атмосфера — своего рода фирменный знак писательницы — царит и в произведениях, собранных в книге, которую вы держите в руках. Это ранние и, как правило, мало известные или не известные у нас произведения Астрид Линдгрэн, к тому же публикуемые в новых и, смеем надеяться, лучших переводах. Но это не заготовки к её будущим произведениям крупных жанров, что еще предстояло ей написать, а скорее живые бутоны её будущих книг-цветов.

- [Астрид Линдгрэн](#)

-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Астрид Линдгрен

Золотко моё

У Эвы нет мамы. Но у неё есть две тётки. Тётя Эстер, которая вернулась домой из Америки, и тётя Грета, мама Берит. Берит — это Эвина кузина.

Вообще-то у Эвы *есть* мама. Да только радости от неё не много, ведь она всё время лежит в больнице и её нельзя видеть. Вместо того чтобы жить с ней, Эве приходится жить у своих тёток. Ведь Эвин папа — штурман на одном корабле, и он не может брать «своё Золотко» с собой, когда уплывает в чужие страны. «Золотко моё» — так обычно называла Эву мама. «Моё маленькое Золотко», — говорила она, целуя Эву в затылок.

Тётя Эстер никогда не называет Эву «Золотко моё» и никогда не целует её в затылок. И тётя Грета тоже. Тётя Грета целует только Берит. Она спрашивает, не замёрзла ли Берит, не хочет ли Берит сока и всякое такое. Её совсем не интересует, не замёрзла ли Эва. Эве она говорит:

— Сбегай, посмотри, не пришла ли почта! Ступай и принеси уютю! Не клади локти на стол! Высморкайся!

И тётя Эстер, которая в своей полосатой шёлковой блузке всегда выглядит «вернувшейся из Америки», та тоже говорит:

— Эва, сбегай-ка за моей сумкой! Поди, принеси моё вязанье! Сегодня твоя очередь вытирать посуду!

А вот очередь Берит вытирать посуду почти никогда не подходит. Конечно, ведь Берит несколько слабовата и осенью должна идти в первый класс, поэтому ей просто необходимо отдохнуть за лето. А вот Эва ничуть не слабовата, и в школу ей идти ещё только через год, так что ей совсем не надо отдыхать. Но ох до чего же грустно одной вытирать вымытую посуду! И почему всегда так много тарелок?

Эва медленно плетётся в кухню. А Берит остаётся в беседке из вьющейся зелени и, глядя ей вслед, самодовольно ухмыляется. Бывает иногда, что какая-нибудь из этих больших тарелок выскальзывает из маленьких ручек Эвы и разбивается. Тогда в кухне возникает тётя Грета и начинает изо всех сил трясти Эву. А Берит снова самодовольно ухмыляется. Тётя Эстер треплет Берит по щеке и спрашивает, не замёрзла ли она и не хочет ли надеть кофту.

— Эва! — кричит тётя Эстер. — Принеси Берит кофту!

— Она же сама может её принести, — возражает Эва, сердито глядя в окно на сидящую в беседке Берит.

— Фу, как нелюбезно с твоей стороны! — возмущается тётя Эстер. — Ты же ещё в кухне! А кофта лежит там на диванчике!

Эва откладывает в сторону полотенце и выносит из дома кофту. Берит самодовольно ухмыляется.

— Нет, я не замёрзла! — капризничает она, отталкивая кофту от себя. — Не хочу её надевать!

Эва швыряет кофту на качели и уходит.

— *Не нужна* мне никакая кофта, слышишь?! — кричит ей вслед Берит. — Унеси её обратно!

Тогда Эва оборачивается. Не говоря ни слова, показывает Берит язык. И уходит.

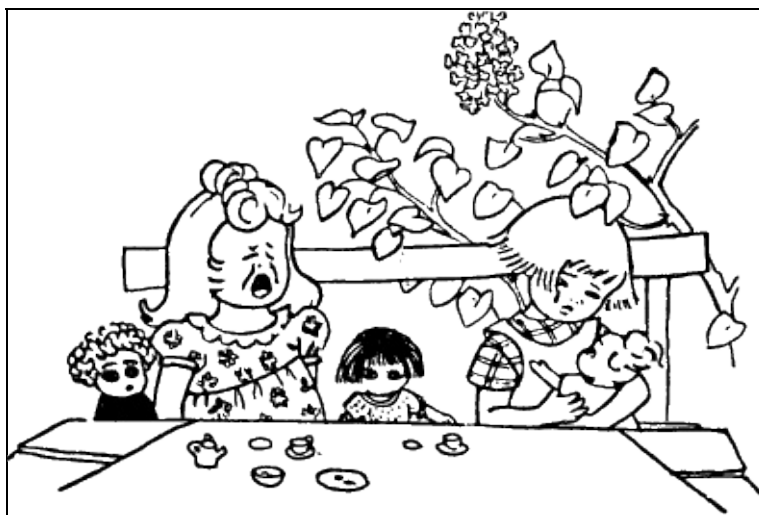
— Никогда ещё не видала такой дерзкой девчонки! — говорит тётя Эстер тёте Грете.

— Вся в Лену пошла, — объясняет тётя Грета. — Та в детстве была точно такой же, ты ведь помнишь!

— Ну да, зато теперь, в больнице, ей, вероятно, не приходится дерзить, — говорит тётя Эстер, качая головой. — Думаю, она уже не поправится. И тогда придётся тебе мучиться с этой девчонкой. Ведь я не могу взять её, когда снова уеду в Америку.

А Эва стоит в кухне и всё слышит. О, как бы ей хотелось наподдать тёте Эстер, которая болтает, что мама никогда уже не поправится. Мама *обязательно* поправится. Она *обязательно*, *обязательно* поправится и тогда придёт и заберёт отсюда «своё Золотко».

— Эва — не слишком приятная компания для Берит, — доносится из беседки голос тёти Греты. — Они постоянно ссорятся, когда вместе играют.

Вот тут тётя Грета права. Они постоянно ссорятся.

Недавно, когда тётя пошла собирать к обеду клубнику, обе маленькие кузины играли вместе в беседке. Эва держала на руках Фиа-Лису. Фиа-Лиса — Эвина кукла. Когда-то это была очень красивая тряпичная кукла с обтянутым розовым трикотажем тельцем и с золотыми локонами. Но со временем она утратила свой розовый цвет, эта Фиа-Лиса, и стала почти чёрной, а от некогда золотых локонов осталось лишь несколько жалких клочков волос. Но Эва всё-таки любит её, ведь Фиа-Лиса — единственное, что сохранилось у Эвы с тех времен, когда её называли «Золотко моё» и целовали в затылок.

Протянув свою тоненькую ручку, Берит ухватила Фиа-Лису за один из её реденьких клочков волос.

— Ку-кла-по-ган-ка, ку-кла-по-ган-ка! — громко и презрительно пропела она.

И тут Эва так вмазала ей, что обе тётки сразу же примчались на помощь, услышав оглушительный рёв малышки Берит.

Тётя Грета крепко схватила Эву за руку и потащила её в зелёный павильон, используемый

теперь как сарай, где и оставила среди леек, граблей и прочих садовых принадлежностей.

— Посиди-ка ты здесь, маленькая мерзавка, пока не одумаешься, — сказала она, запирая Эву на замок.

Берит тут же перестала плакать и самодовольно ухмыльнулась. А Эва горько рыдала в старом садовом павильоне. Фиа-Лису тётя Грета вырвала у неё из рук. И теперь кукла лежала на дорожке сада, грустно глядя в синее небо.

— Ку-кла-по-ган-ка, ку-кла-по-ган-ка, — злобно повторила Берит, наступая ногой в сандалии Фиа-Лисе на живот.

На следующий день началась страшная жара. Да-а, жара стоит такая, что Берит с Эвой не в состоянии, как обычно, бежать наперегонки до купальни. Они медленно плетутся рядом с тётями всю эту долгую дорогу через луг к озеру! Ой, какое пекло!

— Кажется, будет гроза, — говорит тётя Эстер.

— Хоть бы только не было грозы! — опасается Эва, на всякий случай накидывая на голову, как капюшон, конец большого купального полотенца.

— Ты что, не можешь обращаться с полотенцем поосторожней? — раздражённо говорит тётя Грета. — Оно у тебя волочится прямо по коровьим лепёшкам.

— Посмотри на Берит, — вторит ей тётя Эстер. — Как аккуратно она повесила полотенце на руку.

Берит самодовольно ухмыляется, стараясь нести своё полотенце ещё аккуратней.

Пока они купаются, из-за леса выплывает большая тёмная туча. Но солнце ещё светит, и жара стоит такая, что едва можно дышать. Дорога до дома кажется страшно утомительной. Луговая тропинка теперь всё время идет вверх.

— К чему нам было это купание? — стонет тётя Эстер. — После него стало ещё жарче, и чувствуешь себя более усталой, чем раньше.

— Как придём домой, — растянусь где-нибудь в тенёчке и отдохну, — говорит Эва кухне.

— И я тоже, — пыхтит Берит.

Туча становится всё больше и больше. Теперь она покрывает уже полнеба.

— Что у нас сегодня на обед, Грета? — спрашивает тётя Эстер, когда они входят через калитку в сад.

— Тефтельки в суфле из ревеня, — отвечает тётя Грета.

Она развешивает мокрые купальники на верёвку, натянутую между яблонями, и отправляется в огород резать ремень. Берит и Эва ложатся на траву за кустом жасмина. Там так тенисто и прохладно! Эва чувствует, что ни за что не сможет подняться с этого места. Фиа-Лиса лежит рядом с ней.

А тётя Грета собирается варить суфле из ревеня. Но подумайте, какая досада! В доме нет ни щепотки картофельного крахмала. А без него сварить суфле просто невозможно. Тётя Грета озабоченно осматривает тёмную тучу на небе и переводит взгляд на девочек за кустом жасмина. Она раздумывает, но совсем недолго.

— Эва! — кричит она, — Ты должна сбежать в магазин! Мне нужен картофельный крахмал!

Эва закрывает глаза. Она очень хорошо слышит тётю. Но ей кажется, что если она будет лежать совсем тихо и с закрытыми глазами, то, может быть, тётя Грета забудет о её существовании. Или может, случится ещё какое-нибудь чудо. А что если тётя Грета поищет получше и обнаружит в доме целые залежи крахмала?!

— Эва! Разве ты не слышишь?! — снова кричит тётя Грета. — Сбегай в магазин за крахмалом!

Эва с трудом поднимается.

— О нет, только, пожалуйста, не с этой угрюмой миной! — язвительно произносит тётя

Грета. — Теперь твоя очередь идти в магазин. Берит уже была там в четверг.

Да, это правда, Берит в четверг была в магазине. Но не одна. Тётя Грета возила её туда на велосипеде. Берит сидела у неё за спиной на багажнике. Эва с превеликим удовольствием согласилась бы хоть каждый день ездить в магазин за крахмалом. Ехать на багажнике велосипеда — что может быть лучше?!

А идти до магазина пешком — долго-долго, да ещё по такой жаре, да ещё когда ты так устала.

— Но Грета, — говорит тётя Эстер, — ведь надвигается гроза...

Эве становится страшно. Ей не хочется остаться на улице одной в такую непогоду, это уж точно!

— Ерунда! Если ты поспешишь, ты сможешь вернуться домой до начала грозы! — изрекает тётя Грета, выталкивая Эву из дома.

Но Эва упирается.

— Можно, я хотя бы возьму с собой Фиа-Лису? — спрашивает.

Когда, с тобой Фиа-Лиса, ты не чувствуешь себя такой одинокой. Но тётя Грета говорит, что так дело не пойдёт. Нельзя идти в магазин с такой грязной куклой.

— Нельзя идти с такой куклой-поганкой, — вторит ей Берит из-за куста жасмина.

Эва вспыхивает от гнева, еле сдерживая рыдания. Она поднимает Фиа-Лису, которая всё ещё лежит на траве за кустом жасмина. И усаживает её на веранду, чтобы Фиа-Лиса не промокла, если начнётся дождь.

— Не грусти, Фиа-Лиса, — шепчет она. — Мама скоро вернётся домой.

И уходит. Она медленно бредёт по пыльной просёлочной дороге, ноги кажутся совсем тяжёлыми, словно налитыми свинцом.

— Когда я вырасту большая, то ни за что не стану покупать картофельный крахмал, — думает Эва.

А небо до того потемнело! Эва чувствует себя такой маленькой и испуганной!

И туг вдруг начинается! Едва Эва подходит к большой сосне, что растёт на полпути к магазину, как раздаётся раскат грома. О, какой это страшный грохот! Эва в ужасе вскрикивает. И тут на землю с шумом обрушивается стена дождя. Дождь громко барабанит по земле, и пыльная просёлочная дорога в одно мгновение превращается в огромную лужу. Среди этой воды бредёт Эва. Её голубое ситцевое платьице липнет к телу. С вымокших насквозь волос падают

дождевые капли. Падают капли и из глаз. Нет, это даже не капли, это целый поток слёз — горьких слёз печали, отчаяния, страха и одиночества. А вокруг неё всё сверкает и грохочет, и при каждом раскате грома она начинает икать от ужаса. Она бросается бежать. Нет, мама была права, когда говорила, что в грозу нельзя бегать.

Ах, если бы мама была сейчас с ней! Она прижала бы Эву к себе, и они спрятались бы вместе где-нибудь под кустом. И мама согревала бы «своё Золотко», и говорила, что ничего не надо бояться. Мама! Ах, мама!

Эва громко и горько рыдает, но никто её не слышит.

Когда Эва подходит к магазину, гроза стихает. Снова светит солнце, но в воздухе становится прохладно, и Эва в мокром платье вся дрожит.

— Говоришь, полкило крахмала? — Стоящая на прилавком фру Сванберг с изумлением разглядывает промокшую насквозь малышку. — Крахмал-то — вот он, пожалуйста! Да только как можно было отпускать тебя в такую погоду, бедняжка ты моя?!

Почти всю дорогу до дома Эва бежит без остановки, стуча зубами от холода. И вдруг на обочине дороги возле самой виллы, где живут тётки, она замечает что-то знакомое. Да это же Фиа-Лиса! Насквозь промокшая и ещё более грязная, чем прежде! Бедняжка Фиа-Лиса! Эва с криком бросается к ней. Что они сделали с её дочкой? Её любимую крошку тоже выгнали из дома в такую непогоду! Эва обнимает Фиа-Лису, крепко прижимает её к себе и нежно целует в грязный затылок.

— Не плачь, моя малышка, не плачь, Золотко моё! Мама с тобой! Не бойся! Ведь мама уже с тобой!

Тётя Грета вытерла в беседке мокрые от дождя стол и стулья. И теперь они с тётей Эстер распивают там послеобеденный кофе. Берит пьёт сок. Она самодовольно ухмыляется,

вспоминая о кукле-поганке, которую выбросила с веранды на обочину дороги возле самой канавы.

И тут на дорожке сада появляется чья-то фигура. Крохотная, насквозь промокшая фигурка в голубом платице. Да это же Эва идёт! Это же Золотко! В одной руке она держит пакет с крахмалом, в другой — Фиа-Лису. Её губы плотно сжаты, а глаза широко открыты.

И что же Золотко делает? Она делает нечто ужасное, о чём даже страшно рассказывать! Нечто настолько вопиющее, что тётки буквально подпрыгивают от ужаса! Они никогда этого не забудут, они помнят об этом и много лет спустя, когда Эву после долгого ожидания, после столь долгого ожидания забирает наконец домой выздоровевшая мама. Мама, которая целует её в затылок — и называет «Золотко моё».

Да, вот оно, Золотко-то распрекрасное! Какой чудовищный поступок! Ведь так делать *нельзя*. Вот уж воистину распрекрасное Золотко!

Она поднималась вверх по дорожке сада. Подойдя к накрытому на веранде столу, она в упор посмотрела на тёток и Берит. Она швырнула пакет с крахмалом на поднос, так что чашки задребезжали. И сказала, очень спокойно и очень разборчиво:

— Плевать я на вас хотела!

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)